

А.В. Федоров

БАЛЛАДНАЯ ТРИЛОГИЯ А.К. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассматриваются баллады А.К. Толстого, посвященные Иоанну Грозному («Старицкий воевода», «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин»), как своеобразный цикл. Обнаруживаются и анализируются особенности осмысления автором образа первого русского царя в каждой из баллад.

Ключевые слова: баллада; цикл; образ; Иоанн Грозный; А.К. Толстой.

Fedorov A.V. The trilogy of ballads by A.K. Tolstoy

Summary. The article discusses the ballad by A.K. Tolstoy, dedicated to Ivan Groznyi («Staritsky Governor», «Vasily Shibanov», «Prince Mikhailo Repnin») as a kind of cycle. Detects and analyzes the characteristics of reflection by the author the image of the first Russian Tsar in each of the ballads.

Keywords: ballad; cycle; image; Ivan Groznyi; A.K. Tolstoy.

Эпоха царствования Иоанна Грозного легла в основу трех баллад А.К. Толстого – своеобразной трилогии, которая составляет любопытную параллель с известным драматическим циклом. Все три баллады («Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин» и «Старицкий воевода») написаны в 1840–1850-е годы, как раз во время работы Толстого над романом «Князь Серебряный», и поэтически интерпретируют три эпизода, описанные в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (на тот момент главного, хотя и не единственного исторического источника для А.К. Толстого). Этот цикл можно назвать «Три смерти», поскольку ключевое событие в каждой из баллад – гибель того персонажа, чьим именем названо произведение. Но центральным образом всего

цикла является, бесспорно, тот, кто является причиной (в прямом и переносном смысле) этих смертей, – царь Иоанн.

В «Старицком воеводе» (1858) перед нами вполне однозначный образ тирана, изощренно расправляющегося со своим (скорее всего, мнимым) врагом: сначала возведя его в царский сан (что само по себе является святотатством), воздав ему почести и унижаясь перед ним, Грозный неожиданно убивает этого ложного царя. Кстати сказать, заглавный герой этого произведения абсолютно пассивен, не совершает ничего, вообще не является действующим лицом. Как марионетку, царь его «наряжает», как бездушную куклу, повергает ниц. Может быть, это как-то сигнализирует о том, что Старицкий воевода на самом деле ничего не замышлял против Грозного и не мечтал о царском венце. То есть он ни при чем: его оклеветали, царь поверил и совершил свой скорый и циничный суд над невинным (хотя эпитеты, которые относятся к воеводе, допускают разное отношение к герою: «гордый», «осужденный», «виновный», «сверженный», «мертвый»). Таким образом, казнь «изменника» лишена торжественности обряда и не дает возможности воеводе подготовиться к неизбежному; это собственноручное убийство, как и предыдущее нарочитое восхваление, придает происходящему оттенок внезапной импровизации, хотя такое ироничное унижение, скорее всего, хорошо подготовлено Грозным.

*И осужденному поднес венец богатый,
И ризою облек из жемчуга и злата,
И бармы возложил, и сам на свой престол
По шелковым коврам виновного возвел.
И, взор пред ним склонив, он пал среди палаты,
И, в землю кланяясь с покорностью трикраты,
Сказал: «Доволен будь в величии своем,
Се аз, твой раб, тебе на царстве бью челом!»
И, вспрыгнув тот же час со злобой беспощадной,
Он в сердце нож ему вонзил рукою жадной¹.*

«Беспощадная злоба» не столько характеризует внутреннее состояние царя, сколько отражает его истинный характер, который проявился особенно ярко по контрасту с предшествующей «покорностью». Весьма показателен эпитет «жадной»: рука Иоанна – жадная до убийств, как будто соскучившаяся по смерти и крови².

*И, лик свой наклоня над сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным сапогом.
И в очи мертвые глядел – и в дрожи зыбкой
Державные уста змеились улыбкой³.*

(Толстой-2016, 1, 272)

Запоминающаяся, яркая метафора помогает представить улыбку убийцы как нечто дьявольское и одновременно ядовито-издевательское. Вряд ли эта улыбка просто передает радость или веселье, или даже злорадное удовольствие тирана, поглотившего очередную жертву, – все-таки «зыбкая дрожь» сигнализирует о каком-то пограничном, нервном состоянии героя. Любопытно и то, что поэт как будто отделяет от Иоанна его «державные уста»: они живут собственной жизнью, и это несовпадение может напомнить, к примеру, наблюдение «странствующего офицера» за глазами Печорина, которые не смеялись, когда он смеялся. Что происходит в душе царя, когда он казнит Старицкого воеводу? Для читателя это остается тайной. Возможно, как и для поэта.

Более ранняя баллада «Василий Шибанов» (1840-е) в этом отношении гораздо богаче. Вот какой картиной открывается в ней Москва.

*Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?*

(Толстой-2016, 1, 250)

На этот вопрос баллада однозначного ответа не дает. Если история сохранила весьма эмоциональную переписку Грозного с Курбским, то Толстой здесь сосредоточил свой поэтический взгляд именно на «послании, полном яду» изменника и беглеца. А Грозный как будто соглашается с прозвучавшими из уст Шибанова обвинениями.

*«Да, боярин твой прав⁴,
И нет уж мне жизни отрадной!
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!»*

(Толстой-2016, 1, 252–253)

При желании в этих словах можно расслышать иронию, зловещую интонацию тирана-палача, издевательски соглашающегося с будущей жертвой... Или эти обвинения настолько банальны и «вторичны», что царь их как будто заранее «знает наизусть»?

Но неслучайно все-таки письмо беглого князя звучит в балладе Толстого сразу после церковного покаяния, а *смирная* одежда, в которую царь облачен, – *траурная*. Что же за «трезвон» устраивает монарх, облаченный в траурное одеяние? Уж не панихиду ли по самому себе служит он? (Что не исключает, конечно, предположения о мгновенном прозрении палача, поминающего своих жертв, в том числе и невинно убиенных.) Может быть, ничего нового Курбский Иоанну не сказал, потому что сам Грозный уже сказал себе это – в минуты духовных потрясений? Потому и «мрачен владыки загадочный взгляд, / Как будто исполнен печали». Это уже не змеящаяся улыбка злобного тирана, а печаль внутренней дисгармонии сложной и глубокой личности⁵. Поэтому смягчена горделиво-богохульственная реакция Иоанна на известие о том, от кого послание. Например, в тетради В. Жемчужникова было:

*«Письмо от Андрюшки! от вора мово?
Письмо от злодея лихого?
Давно ли с Творцем говорит вещество?
И что нам гласит его слово?»*
(Толстой-2016, 1, 779–780);

а в итоге стало:

*И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!»*
(Толстой-2016, 1, 251)

Почти дословно (хотя и поэтически, как ранее это было с погребальным Тропарем Иоанна Дамаскина) воспроизводя реальное послание беглого князя, Толстой словно не предполагает *спора*, возражений и упреков со стороны Иоанна, выразившихся, как известно из истории, в ответном послании царя. Как будто внешний фактор (письмо) лишь метафорически раскрывает внутреннее

состояние Грозного: муки совести, раскаяние, покаянная молитва. Другими словами, в душе царя возвысил голос условный «внутренний Курбский» – не в смысле изменник, беглец и враг Отечества, а в смысле – бесстрашная и неприятная правда.

Тут вообще возникает отдельный интересный сюжет – ситуация «выговаривания истины» в лицо сильным мира сего. Необходимо ли стать беглецом (эмигрантом), чтобы иметь возможность эту правду открыть?⁶ Власть и правда несовместимы? Или это трусливая позиция, самооправдательная для «правдоруба» издалека? Думается, что для Толстого ответы на эти вопросы очевидны, как понятно и его отношение к предателю Курбскому⁷, несмотря на то что к Иоанну Грозному писатель не испытывал больших симпатий... Вот, например, фрагменты из трех показательных писем, обращенных к императору Александру Второму.

«Государь...

Вы кругом обмануты, и нет честного человека, который смел бы вам сказать правду. Возле вас пытаются, вопреки вашему приказанию, и вы этого не знаете. <...> Вас ведут от несправедливости к несправедливости, вас приведут к гибели, если не в этом свете, то в будущем свете истории... Что вам не может это понравиться, я в этом убежден, и оттого-то решаюсь писать к вам...»⁸

«Что же касается до Вас, государь... то у меня есть средство служить Вашей особе, и я счастлив, что могу предложить его Вам: это средство – *говорить во что бы то ни стало правду*, и это – единственная должность, возможная для меня и, к счастью, не требующая мундира» (Толстой-64, 4, 140).

«Ваше величество, есть два вида преданности своему монарху: один состоит в том, чтобы всегда быть одного мнения с ним и скрывать от него все, могущее возбудить в нем неудовольствие... подобная преданность, когда она не есть предательство, могла бы быть названа преданностью лакея или человека близорукого. Другой – истинный – вид преданности состоит в том, чтобы показывать монарху все вещи в их подлинном свете, предупреждать, когда надо, об опасности...» (Толстой-64, 4, 141).

Грозный, отправляя Шибанова «с Малютой в застенок», все-таки понимает о нем главное⁹:

«Гонец, ты не раб, но товарищ и друг...»
(Толстой-2016, 1, 253)

То есть он поступает точно так же – по закону, как это сделал царь в лермонтовской «Песне про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Шибанов шел на смерть – сознательно и не ожидал ничего другого:

*«А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки!»*
(Толстой-2016, 1, 250)

Грозный помогает верному другу боярина исполнить свое назначение. Удивительным образом получается, что «Васька Шибанов, стремянный» и Иоанн Васильевич в нравственной системе координат толстовской баллады – на одной стороне. Изменник князь, полный «желчи и злобы», думающий лишь о «самовыражении», о мести, о перечислении «души оскорбленной зазнобы» – мелок и низок. Он как будто утратил лучшие черты национального характера, перебежав границу... И думает, что верность и самоотверженность можно купить: «А вот и рубли в награждение». А Шибанов возвращается, потому что остался русским, и его смерть на родине – его личный выбор, который выше и достойнее ругани на безопасном расстоянии. Правда, здесь есть какая-то роковая «неправильность», которая звучит в почти завистливом замечании Иоанна: «И много, знать, верных у Курбского слуг»: почему *верные* слуги – у *предателя*? Где здесь справедливость?

В этой ситуации измена Отчизне словно рифмуется с предательством по отношению к слуге: слово «преданный» обнаруживает свое «двойное дно» (князь «передает» Шибанова своему врагу как искупительную жертву или «плату» за то, чтобы иметь возможность «уязвить» Грозного ядом послания), а Курбский, высоким слогом обвиняющий тирана, оказывается на деле гораздо худшим тираном. В исследовательской литературе советского времени было принято подчеркивать нравственное превосходство Шибанова как над Курбским, так и над Грозным: «Именно этому скромному рабу суждено дать урок царю, забывшему свой долг

перед подданными, и посрамить князя, принесшего верного слугу в жертву – “за сладостный миг укоризны”»¹⁰. «Вопреки своему положению, он оказывается на такой нравственной высоте, что становится над Курбским и над Грозным. Толстой увидел в характере Шибанова глубинные народные основы, и потому рядом с ним и Курбский, и Иоанн кажутся временными, преходящими фигурами. <...> Василий Шибанов у Толстого, при всей его житейской определенности, – характер идеальный, иконописный»¹¹.

Правда, есть в балладе строка, которая словно объясняет многочисленные обвинения современной Толстому критики в поэтическом прославлении холопства:

Но рабскую верность Шибанов храня...
(Толстой-2016, 1, 249)

«Скажите, поэт, откуда вы выкопали, из каких воспоминаний и впечатлений, из какой хроники и летописи, такого... Неужели такие были? А если были, как редкое исключение, то неужели фантазия поэта должна или может останавливаться на таких личностях, типически воплощать их, стараться петь им апофеозы за то, что

Он славит сваго господина!»¹²

«Он славит своего господина!

Вот какая идея восхитила нашего поэта и для его поэтического воспроизведения он сочинил около полтора ста рифмованных строк. Впрочем, баллада “Василий Шибанов” все-таки имеет мысль, хотя и рабскую...”¹³

«Там, где рабство враждует с любовью к родине, поэт одним порывом вдохновения идеализирует и инстинкты рабства и самоотверженность гражданина. Хороший раб и скверный гражданин в ореоле мученичества, подвижник холопской верности и пособник государственной измены...”¹⁴

Может быть, Толстой так обозначил свою мысль о взаимосвязи между рабством и тиранией – ту самую мысль, которая не давала ему покоя при работе над «Князем Серебряным» и заставляла бросать перо «в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать

общество, которое смотрело на него без негодования»? Рабство Шибанова – «дань веку», следствие тирании Грозного, признак повреждения нравов в ненавистную писателю «московскую эпоху», а вот его самоотверженность и нравственная твердость – они как бы не от временного, а от вечного, собственно человеческого... Только следует учесть, в каком контексте звучит строка о рабской верности: «Дороден был князь. Конь измученный пал... <...> Своею отдаст воеводе коня». Стремянный – т.е. конюх-слуга – выполняет свою прямую обязанность. К тому же слово «раб» приобрело отчетливо отрицательную коннотацию в России только к середине XIX столетия, до этого оно служило относительно нейтральным обозначением зависимого положения, крепостных в смысле социальном, а в церковном словоупотреблении вообще именовало любого человека «раб Божий». Причем эти смыслы друг другу не противоречили: если крестьянин – крепостной дворянина, дворянин – крепостной царя, царь – крепостной Господа Бога. Вся общественная вертикаль таким образом скрепляется понятием «служения». Шибанов верен «присяге», верен своей обязанности служить господину и готов за свою верность пострадать (истинная верность не требует награды, как вера – доказательств).

*«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье –
Помилуй мои прегрешенья!*

*Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь –
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.*

(Толстой-2016, 1, 253–254)

Ключевой поправкой, которую сделал А.К. Толстой в концовке своей баллады, можно считать изменение двух последних строк:

*«За всех моих злобных тиранов!»
Так умер Василий Шибанов.
(Толстой-2016, 1, 782)*

Получалось, что он молился за тех, кого называл «злобными тиранами», что содержало в себе определенное противоречие и делало финальным аккордом произведения тираноборческий пафос в духе рылеевских исторических дум. Неорганичность и фальшь такой концовки (ее несоответствие образу героя) поэт почувствовал и внес изменения. Теперь молитва Шибанова освобождается от мелочной злости, ведь «в сердце любовь и прощение». А вот видимое несоответствие между отзывами палачей о словах героя («он славит своо господина») и реальным содержанием его речи Толстой оставил – судя по всему, осознанно. Ведь Шибанов *не славит* Курбского, а *просит за него прощения* у Господа. Причем просит прощения не за то, что князь его «предать... мог за сладостный миг укоризны», – это прощение слуга «берет на себя», к Господу он обращается с молитвой за более тяжкий грех господина: «измену твою пред Отчизной». Далее мученик¹⁵ молит о своих прегрешениях (и Калашников, как мы помним, выходя на бой, не забывает о своих грехах¹⁶) и наконец обращает к Богу слова о главном: Царе и Руси¹⁷.

Эти понятия неразделимы. Если для Никиты Романовича Серебряного в момент прозрения они вдруг становятся антонимами («Не татары, а царь губит родину!»), то для Шибанова без царя нет и не может быть Руси¹⁸. Смиренная молитва за него, скорее всего, не означает попытки «вразумить», «наставить на путь», она лишь подчеркивает, что тайну царского креста может ведать только Господь. И не подданным судить об этой тайне и осуждать монарха как обычного человека.

Здесь Толстой-художник словно поднимается над собственными, более прямолинейными и рациональными утверждениями в письмах: «...я слишком художник, чтобы нападать на монархию. Но что общего у монархии с личностями, носящими корону? <...>

Но если один монарх дурен, а другой – слаб, разве из этого следует, что монархи не нужны? Если бы было так, из “Ревизора” следовало бы, что не нужны г о р о д н и ч и е , из “Горя от ума” – что не нужны чиновники, из “Тартюфа” – что не нужны священники, из “Севильского цирюльника” – что не нужны опекуны, а из “Отелло” – что не нужен брак» (к Б.М. Маркевичу от 13.12.1868. *Толстой-64*, 4, 247).

В балладе «Князь Михайло Репнин» (1840-е) также предстает неоднозначный и противоречивый образ царя. Ситуация царского пира с опричниками и «лихими гусярами» словно отсылает читателя к началу лермонтовской «Песни...»; вообще пир во многих романтических произведениях становится некой «точкой выбора» для героев, «экзистенциальной ситуацией», если пользоваться более поздней терминологией. И в творчестве Толстого подобный мотив представлен довольно широко – начиная от раннего французского рассказа «Встреча через триста лет» и заканчивая главой 8 романа «Князь Серебряный» и последней сценой трагедии «Царь Борис».

В балладе «Князь Михайло Репнин» многое перекликается с «Василием Шибановым» даже на сюжетном уровне: правдивое обвинение из уст героя и его мученическая смерть по царскому приказу или от царской руки, – но тем очевиднее контраст между молитвенно-покаянным пафосом первой из баллад и разгульно-маскарадным настроением, задающимся с начальных строк второй баллады. Правда, этот контраст не затрагивает глубинных характеристик образа монарха: Грозный в «Князе Михайле Репнине» пытается заглушить внутреннее недовольство – пир и гусяры его не веселят. Песенники неслучайно воспевают именно то, что достойно прославления в свершениях Грозного: «И взятие Казани, и Астрахани плен». Это прошлое, и оно противоположно настоящему, и царь, вероятно, это чувствует. Поэтому

Подать себе личину он кравчему велит:

*«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловыи!*

*Себе личину, други, пусть каждый изберет –
Я первый открываю веселый хоровод!*

*За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»
(Толстой-2016, 1, 258)*

Натужное веселье для Грозного – тоже один из способов борьбы с тоской, как и церковное покаяние. Однако этот способ ложный, поскольку не решает проблемы, а лишь помогает о ней забыть, что впоследствии приводит к усугублению ситуации. Ведь «правдивый князь», обличающий Иоанна за недостойное православного царя поведение, нарушает «правила игры» и призывает монарха взглянуть в лицо истине. Только эту истину Грозный, скорее всего, чувствует и сам, именно от нее пытается убежать, скрыть ее под дьявольской личиной. Его эмоциональный порыв психологически обоснован («царь вскрикнул, разъярясь») и приводит к убийству, судя по всему, тем же самым жезлом, который был вонзен в ногу Василия Шибанова при чтении письма Курбского. А после убийства наступает раскаяние:

*«Убил, убил напрасно я верного слугу!
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»
(Толстой-2016, 1, 259)*

То, что Грозный умел ценить (иногда запоздало) прямоту и честность своих подданных, отмечено и в романе «Князь Серебряный», где Никита Романович остается невредим, несмотря на свое абсолютное прямодушие и неумение притворяться. Правда, в романе история с Репниным рассказана по-другому (и более достоверно – по Карамзину¹⁹): «Тут был боярин князь Михайло Репнин. Он заплакал с горести. Царь давай и на него личину надевать. “Нет! – сказал Репнин, – не бывать тому, чтобы я посрамил сан свой боярский!” – и растоптал личину ногами. Дней пять спустя убит он по царскому указу во храме Божиим!» (Толстой-64, 2, 196).

Любопытно, что в балладе кольцевая композиция (третье и четвертое двустишие почти буквально повторяются в предпоследней и последней строфах) обозначает некий замкнутый круг в душевном состоянии царя, причем если в начале о причинах тоски можно было догадаться по косвенным признакам («но голос

прежней славы царя не веселит» – вероятно, ключевое слово этой строки – «прежней»), то в финале сожаление о напрасно погубленной жизни проговаривается самим Грозным. Но по сути эти причины друг с другом связаны непосредственно: произошло что-то страшное с личностью монарха, некий «раскол», отразившийся, естественно, и на жизни всей страны. Бесы взяли в плен душу Иоанна; светлая и славная часть его правления покрыта мороком, замутнена, как будто перечеркнута... Ведь правдивый князь обличает не столько Грозного, сколько то, что с ним произошло:

*«О царь, забыл ты Бога! свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!»*

*Рассыпь державным словом детей бесовских рать!²⁰
Тебе ли, властелину, здесь в машкере плясать!»*
(Толстой-2016, 1, 258)

А когда становится понятно, что эта речь для него – предсмертная, Репнин фактически поет славу истинному Иоанну Васильевичу:

*«Да здравствует во веки наш православный царь!²¹
Да правит человеки, как правил ими встарь!»*

*Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»*
(Толстой-2016, 1, 259)

В этот момент сатира превращается в оду, просто в духе некоторых образцов жанра XVIII столетия ода вполне совместима с интонацией поучения... Воспевая прежнего Грозного, Репнин выступает на стороне светлых сил в борьбе за душу царя. И гибнет в этой борьбе.

Герои баллад «Василий Шибанов» и «Князь Михайло Репнин», таким образом, «материализуют, персонифицируют» внутреннее драматическое противостояние Грозного самому себе. Тем самым открывая всю сложность, непознаваемость личности монарха и смиренно останавливаясь на пороге великой тайны царского служения.

Судя по всему, личность первого русского царя явилась для писателя центром притяжения – в отличие от большинства других героев ему в творчестве Толстого отдано много творческих сил на разных этапах художнического движения – от 1840-х до конца 1860-х годов. Балладная трилогия о Грозном («Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин» и «Старицкий воевода») объединена темой смерти, непосредственно связанной с образом царя. Но если в «Старицком воеводе» перед нами злобный и изощренный убийца-душегубец, то две другие баллады представляют более сложный, если не сказать трагический, образ внутренне противоречивой, глубокой и страдающей личности. Таким образом, в балладной трилогии содержатся «зерна», которые затем по-разному прорастут в более поздних произведениях А.К. Толстого.

-
- ¹ Толстой А.К. Полное собрание стихотворений. В 2 т. / Сост., подготовка текстов, статьи, примеч. В.А. Котельникова; подготовка текстов, примеч. А.П. Дмитриева. Т. 1. СПб., 2016. С. 272. Далее ссылки на это издание в тексте *Толстой-2016*, с указанием номера тома и страницы.
 - ² Ср. в «Князе Серебряном» об Иоанне после казней: «...сытый душегубством, он повернул коня...»; «Он чувствовал после совершенных убийств какое-то удовлетворение и спокойствие, как голодный, насытившийся пищей» (*Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 3. С. 405, 406. Далее ссылки на это издание в тексте Толстой-64, с указанием номера тома и страницы.*
 - ³ В журнальной публикации был менее удачный вариант – «Вокруг державных уст змеилась улыбка» (Русская беседа. 1858. № 3. С. 8).
 - ⁴ В одной из редакций было – «Да, изменник мой прав» (*Толстой-2016*, 1, 780). Характерно это изменение «принадлежности» Курбского (сначала – царю, а потом – Шибанову) в речи Иоанна.
 - ⁵ Правда, на память приходит и известное замечание Родиона Раскольникова об «истинно великих людях», которые, как ему кажется, «должны ощущать на свете великую грусть».
 - ⁶ Н.А. Добролюбов свои размышления о столкновении в образах Грозного и Курбского двух противоположных начал – византийского деспотизма и европейского уважения к личности – завершает выводом: «В царствование Грозного горькая истина должна была высказываться в чужой земле, далеко от России...» (*Добролюбов Н.А. Собр. соч. Т. 2. М.–Л., 1961. С. 247*). А герой-протагонист в романе В. Ключникова «Марево» выражает сомнение в плодотворности «правды издалека»: «...Писать *правду* о России можно только в России...» (<http://www.rulit.me/books/marevo-read-209207>).

- ⁷ Ср. с диалогом Годунова и Серебряного в романе А.К. Толстого: «Веришь ли, Борис Федорыч, иной раз поневоле Курбский на ум приходит; подумаю про него, и самому страшно станет: так, кажется, и бросил бы родину и ушел бы к ляхам, кабы не были они враги наши.
– Вот то-то, князь! В теперешнее время нам только и есть, что две дороги: или делать, как Курбский, – бежать навсегда из родины, или так, как я, – оставаться около царя и искать его милости. А ты ни то, ни другое; от царя не уходишь, а с царем не мыслишь; этак нельзя, князь; надо одно из двух» (*Толстой-64*, 3, 408–409).
- ⁸ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 19. М., 1960. С. 81.
- ⁹ «Образ Шибанова “раба” поразил и русского царя Ивана Грозного, увидевшего в нем не “раба” князя, а своего врага, носителя народного сознания» (*Клюев В.С.* Проблема историзма в творчестве Алексея Константиновича Толстого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. С. 11).
- ¹⁰ *Лотман Л.М.* Лирическая и историческая поэзия 50–70-х годов // История русской поэзии: В 2 т. Л., 1969. Т. 2. С. 185.
- ¹¹ *Лобкова Н.А.* Баллады А.К. Толстого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. – С. 9, 10. Ср. с утверждением Достоевского: «А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: “Устыдися раба твоего Шибанова”. Это значило, что он сам устыдился раба Шибанова» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 117).
- ¹² *Григорьев П.* Устарелые формы поэзии: Сочинения А. Толстого // Библиотека дешевая и общедоступная. 1875. № 4. С. 28.
- ¹³ *Без подписи* (С.А. Венгеров) Книжная поэзия: Полное собрание стихотворений гр. А.К. Толстого. Томы I и II. СПб., 1876 // Новое время. 1876. 8 июля. № 128. С. 1.
- ¹⁴ *Соколов Н.М.* Иллюзии поэтического творчества: эпос и лирика гр. А.К. Толстого. СПб., 1890. С. 132.
- ¹⁵ «И тот же, как и в Репнине, светлый дух незлобия делает образ мученика колоссальным» (*И. Х.* (И.И. Ханенко). О литературных заслугах графа А.К. Толстого (Читано в общем заседании общества Нестора Летописца 14 декабря 1875 г.) // Киевлянин. 1876. 4 янв. № 4. С. 1).
- ¹⁶ Неслучайно Ф.М. Достоевский, высоко оценивший созданный Толстым образ, сравнивал его как народный характер с пушкинским Пименом и лермонтовским Калашниковым (см.: *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. Т. 12. М., Л., 1929. С. 352–354).
- ¹⁷ «Важно, что Шибанов под пыткой молится и за погубившего его на смерть Курбского, и за своего мучителя царя (потому что он *русский* царь), и за всю Русь, потому что ощущает свое с ними тождество. Перед нами – символический, обобщенный образ России, часто мучающей и распинающей самое себя, но несокрушимой духовно, выдерживающей любые испытания и восстанавливающейся любовью» (*Барашкова Е.В.* Проблема русского национального характера в исторических произведениях А.К. Толстого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 16).

- ¹⁸ Тем не менее близость этих персонажей в художественном мире Толстого уже была отмечена исследователями: «Мы видим крохотный исторический эпизод, который на мгновение высвечивает расстановку сил: деспот – предатель – и тот, кто, несмотря ни на что, верен обоим. Шибанов отдаленно напоминает Никиту Романовича Серебряного» (*Сазонова З.Н. Жанр и тематический аспект: баллада, роман, трагедия А.К. Толстого // Грехневские чтения. Нижний Новгород, 2001. С. 51*).
- ¹⁹ «Иоанн хотел надеть на него маску; Репнин вырвал ее, растоптал ногами и сказал: “Государю ли быть скоморохом? По крайней мере, я, боярин и советник Думы, не могу безумствовать”. Царь выгнал его и через несколько дней велел умертвить, стоящего в святом храме, на молитве...”» (*Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. СПб., 1998. С. 11*).
- ²⁰ Исследователями неоднократно отмечалась принципиальная противопоставленность самой идеи опричнины традиционной иерархии религиозных ценностей: «Опричнина организовывалась как своего рода антимонастырь, с монашескими одеждами опричников как антиодеждами, с пьянством как антипостом, со смеховым богослужением, со смеховым чтением самим Грозным отцов церкви о воздержании и посте во время трапез-оргий, со смеховыми разговорами о законе и законности во время пыток...”» (*Лихачев Д.С., Панченко П.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 48–49*).
- ²¹ «За Грозного, Боже, царя я молюсь», – говорит Василий Шибанов. Кажется, что интонации героев абсолютно различные, как несовместимы на первый взгляд ода и молитва. Но ведь бывает и молитва о здравии, а не только мольба о прощении прегрешений? Так что можно предположить, что страстная речь Репнина, так же как и слова Шибанова, обращена прежде всего к Господу.